

4. ТЕОРИЯ, ИСТОРИЯ, СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНЫХ КОММУНИКАЦИЙ

УДК 070.11:94(477.75) «1853/1856»

ОЧЕРКИ Н. П. СОКАЛЬСКОГО КАК ЭТАП СТАНОВЛЕНИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЕННОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ

Первых Д. К.

Таврическая академия (структурное подразделение)
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского»,
Симферополь, Россия
E-mail: dianavasileva@yandex.ru

В статье на основе архивных документов и иных источников воссоздается история подготовки и публикации Н. П. Сокальским очерков, основанных на устных свидетельствах участников Крымской войны. Н. П. Сокальский стал первым профессиональным отечественным журналистом, который сосредоточился на сборе и публикации в периодической печати актуальной военной информации. В поле его интереса попали исключительно рядовые участники событий, принадлежащие к разным социальным группам (солдаты, матросы, торговцы, гражданские служащие и т. д.). Н. П. Сокальский выработал специфические принципы работы с военным материалом. К числу этих принципов относились отказ от глубокого редактирования свидетельств, создание фотографически достоверных портретов опрошенных людей, фиксация индивидуальных речевых, биографических и мировоззренческих характеристик рассказчика. Очерки Сокальского были чрезвычайно востребованы читателем в эпоху Крымской войны и закладывали основу традиций отечественной военной журналистики.

Ключевые слова: Н. П. Сокальский, военная журналистика, Крымская война, очевидец, оборона Севастополя.

ВВЕДЕНИЕ

Крымская (Восточная) война и рост новых технических возможностей (фотография, телеграф) оказали серьезное влияние на всю европейскую журналистику. Стремительное развитие получила, прежде всего, военная журналистика, стремившаяся к оперативному и многостороннему освещению военных действий. Традиционно считается, что «отцом военной корреспонденции» был журналист «The Times» У. Х. Рассел, по средством телеграфа регулярно сообщавший английскому читателю о перипетиях английских войск у стен осажденного Севастополя [8, с. 197–199]. Что касается отечественной журналистики,

то порою звучат мнения, будто до начала XX в. «независимой свободной военной журналистики как таковой в России практически никогда не существовало» [18, с. 11]. В данном случае не будем сосредоточиваться на определениях «независимая» и «свободная», поскольку это принудило бы нас втянуться в нескончаемую, как сама журналистика, дискуссию о возможности для автора абсолютной «независимости» как таковой. Но скажем, что родословная российской военной журналистики, несомненно, значительно старше и ее истоки следует искать в эпохе первой обороны Севастополя. Важнейшую роль в становлении этого жанра сыграл журнал «Современник», издатели которого активно искали новые формы предоставления читателю батальной, «бивачной» и политической информации о Крымской кампании. Историю таких публикаций на страницах «Современника» мы подробно рассматривали в монографии «Крымская Илиада» [13, с. 311–364], сейчас же предлагаем исследовать вопрос о вкладе, который был сделан в становление военной журналистики одним из корреспондентов «Современника» – Николаем Петровичем Сокальским.

Цель статьи – определить роль очерков Н. П. Сокальского в процессе становления отечественной военной журналистики. При этом необходимо решить следующие **задачи**: по архивным материалам и открытым источникам восстановить историю подготовки и публикации Н. П. Сокальским «военных текстов»; определить тематический «диапазон» военных очерков Н. П. Сокальского; обозначить идейную и стилистическую специфику «военных текстов» Н. П. Сокальского. **Объект** статьи – влияние Крымской войны на формирование отечественной военной журналистики; **предмет** – индивидуальная творческая тактика Н. П. Сокальского в освещении событий Крымской войны.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Журналисты, думается, первыми сделали весомый вклад в формирование историографии и философии Крымской войны. Именно благодаря их работе современный читатель может прочувствовать настроения того времени, атмосферу, в которой пребывали участники войны. Корреспонденты в очерках и статьях

пытались донести правду о войне – без прикрас и как можно детальнее. Корреспонденций о Крымской кампании не много, их и не могло быть много. Такую работу мог проделать лишь тот, кого к роли военного корреспондента предрасполагала сама военная ситуация, кто был на передовой, участвовал в сражениях, жил в солдатской среде. Пример тому – капитан А. Д. Столыпин (1821–1899), служивший во время Крымской войны адъютантом начальника артиллерии и участвовавший в боевых операциях (за оборону Севастополя получил золотое оружие). В Крыму в то время находились и его друзья, известные в России люди – Л. Н. Толстой и Н. Я. Ростовцев [14, 15]. Толстой, сотрудничавший с «Современником», предложил друзьям написать очерки, но довел дело до печати только Столыпин: дал написанную статью на прочтение генералу С. А. Хрулеву, а тот внес некоторые коррективы «левой рукой, так как в правую был ранен». Толстой, посылая 30 апреля 1855 г. рассказ Столыпина «Ночная вылазка в Севастополе» (посвящ. А..... И..... К.....ой) редактору «Современника» Н. А. Некрасову, просил сохранить эту правку. Просил также извинить и исправить «дикую орфографию» рукописи. Гонорарных условий не ставил, просил лишь поскорее поместить рукопись в журнале и, по возможности, без цензурных вырезок [21, с. 71]. Описанная Столыпиным ночная вылазка (11/23 марта 1855 г.) на неприятельские батареи была самой крупной за всю оборону Севастополя. Командующий юго-восточным участком обороны ген. С. А. Хрулев удостоен за нее ордена св. Георгия 3-й ст., 46 нижних чинов награждены знаками отличия Военного ордена св. Георгия [6]. Столыпин интуитивно ощутил необходимость показать своих героев в сиюминутном действии. И у него была на то прерогатива – он сам участник событий.

Другой корреспондент «Современника» – Н. В. Берг (1823–1884) – в самом начале кампании отправился на Дунай, где состоял переводчиком при штабе Южной армии; перебравшись в осажденный Севастополь, где пробыл до сдачи города. Берг посылал и в «Современник», и в «Москвитянин» подробные корреспонденции, составившие затем книгу «Записки об осаде Севастополя» [2]. Кроме того, он хорошо рисовал, создал в Севастополе серию натуральных рисунков «Севастопольский альбом» [3]. Поскольку участником сражений он не был, но севастопольскую оборону

пережил в осажденном городе и знал ход событий достаточно рельефно, Берг в своих публикациях описательно-эпичен. В поле его видения – батальные пространства, огромное количество действующих лиц (в том числе исторических). Очевидец происшедшего, Берг – действующее лицо своих корреспонденций, что можно продемонстрировать на материале его очерка «Из крымских заметок»: жанр обозначен уже в заглавии – «заметки», предполагающие записи «на ходу».

Если манеру письма А. Д. Столыпина можно обозначить словами «пишу о том, что делал», а манеру Берга – «пишу о том, что видел», то манеру третьего военного корреспондента «Современника» Н. П. Сокальского, думается, будет справедливым сфокусировать в словах: «пишу, что услышал». Н. П. Сокальский «записал» историю войны со слов ее участников, а участника войны сделал героем своих произведений. Его очерки – фрагменты истории, а герои – случайно встреченные в госпиталях солдаты.

Имя Николая Сокальского современному читателю известно мало, но успех его первых публикаций был настолько велик, что уже в начале 1856 г. было подготовлено отдельное издание солдатских рассказов [20] (цензурное разрешение от 12 января 1856 г.), а во время русско-японской войны (1904 г.) сборник был переиздан [16]. Сокальский изображал солдата и офицера в их индивидуальности; за событиями войны герои произведений не обезличены, «не потеряны» их судьбы. Это удается, когда герой не идеализируется, не схематизируется, не превращается в плод художественного обобщения, а показан таким, каким его встретил автор – реального собеседника с его неповторимой внешностью и речью. В том сказалось мастерство Сокальского; независимо от ситуации автор становится ее участником; личность автора, хоть и не вычерченная отчетливо, сама по себе привлекает читательское внимание.

Николай Петрович Сокальский (1831–1871) родился в Харькове в семье профессора. Окончив университет, в 1852–1859 гг. являлся корреспондентом газеты «Одесский вестник», затем 11 лет был ее редактором. В годы Крымской войны Н. П. Сокальский по долгу журналистской службы посещал одесские госпитали, знакомился с солдатами, записывал случаи из их жизни. Волей неожиданных

обстоятельств в «Одесском вестнике» эти рассказы не были опубликованы, а вышли циклом в популярнейшем журнале «Современник». Записанные солдатские мемуары о Крымской войне Н. П. Сокальский переслал брату Петру Петровичу (впоследствии известному критику, композитору и исследователю народной песни), жившему в Петербурге, для проведения их через цензурный комитет. Затем сборник предполагалось переправить одесскому издателю. Но П. П. Сокальский принес рукопись редактору «Современника» Н. А. Некрасову, который, кстати, принял Петра Петровича за составителя. Какой разговор состоялся между ними, можно лишь предположить, но после этой встречи 17 сентября 1855 г. Некрасов писал И. С. Тургеневу: «На днях приходит ко мне незнакомый юноша – из Одессы – с тетрадкой солдатских рассказов, которые он записал со слов солдат раненых, беспрестанно привозимых в Одессу. В числе этих рассказов один оказался удивительный. <...> Солдат (Таторский по фамилии) <...> должно быть, человек с большим талантом – наблюдательность, юмор, меткость – и бездна русского. Я в восторге» [9, с. 169].

Интерес русской аудитории к национальной самобытности и достоверности портретов севастопольских защитников в значительной степени был ответом на пропагандистские выпады французской прессы кануна Крымской войны, убеждавшие европейского читателя в том, что русские представляют собой необузданных варваров [11], стремящихся сокрушить цивилизацию Европы [10]. Упомянутый Некрасовым «человек с большим талантом» Таторский – герой очерка Н. П. Сокальского «Восемь месяцев в плену у французов», и именно этим рассказом открывает «Современник» цикл солдатских мемуаров, записанных одесским корреспондентом. Публикация предварялась предисловием Некрасова: «Предлагаемый рассказ взят в редакцию “Современника” из приобретенного ею рукописного сборника солдатских рассказов, составленного под редакциею Н. Сокальского. С этими рассказами мы будем постоянно знакомить наших читателей» [19, т. 53, с. 161].

Появление военных рассказов было важным явлением для русской печати и русского читателя. До сих пор российским изданиям не позволялось самостоятельно

печатать военные материалы, и журналы довольствовались перепечатками из «Русского инвалида». На этом основании, кстати, Л. Н. Толстому и А. Д. Столыпину не разрешено было издавать задуманный ими еще в Кишиневе «Солдатский вестник» («Военный листок») [14]. Первым военным рассказом в «Современнике» стал «Севастополь в декабре месяце» Л. Н. Толстого [19, т. 51, с. 249–250], но редактору «Современника» И. И. Панаеву пришлось приложить усилия, чтобы получить разрешение на публикацию рассказа. В мае 1855 г. он обратился в Главное управление цензуры с письмом, где доказывал, что печатание военных статей должно быть разрешено всем журналам, «ибо патриотизм – чувство, <...> не раздающееся как монополия». По представлению министра просвещения А. С. Норова, было Высочайше разрешено журналам «Современник» и «Отечественные записки» перепечатывать известия из «Русского инвалида» и печатать повести из военного быта, с прохождением двойной цензуры – общей и военной.

Насколько велики были строгости николаевской цензуры, свидетельствует любопытный архивный документ – циркуляр № 184 от 15 декабря 1853 г. «О печатании в «Одесском вестнике» известий о военных действиях наших против Турции». Из него следует, что «Одесский вестник» в порядке исключения (из-за «затруднений по торговле») получил возможность обнародовать военную информацию по отбору и под личную ответственность военного губернатора, при этом перепечатки другими журналами не разрешались: «Государь император вследствие ходатайства исправляющего должность Новороссийского генерал-губернатора Высочайше разрешить соизволил печатать в “Одесском вестнике” такие известия на счет военных действий наших в Турции, о которых генерал от инфантерии Федоров будет иметь официальные сведения, но не иначе как под личную его ответственностью. Разрешение это, последовавшее единственно для предупреждения беспокойств и затруднений по торговле в Южном крае России, ни в коем случае не может заключать в себе дозволения перепечатывать означенные сведения из “Одесского вестника” в другие периодические издания» [7].

В июле 1855 г. в «Современнике» вышла «Ночная вылазка...» А. Д. Столыпина, а в августе 1855 г. «Современник» ввел официальную рубрику «Военные известия»,

которая базировалась на официальных данных и сразу же стала центром читательского внимания. Но, в отличие от нее, рассказы очевидцев войны, зачастую рядовых, были «живы», правдоподобны и позволяли проникнуться особенностями военного времени. Чтобы вполне оценить их специфику и значение, следует вспомнить такую характерную черту исторических текстов: «История, воплощенная в слове, неизбежно сосредоточивает внимание, прежде всего на тех личностях, чьи имена мы сопровождаем почетными эпитетами “выдающийся”, “великий”, “известный”. Огромное же количество действующих лиц прошлого образует для нас некую историческую силу, масштаб которой огромен, но облик которой, к великому сожалению, не персонифицирован» [1, с. 6]. Как раз эту обобщенность в представлениях о действующих лицах Крымской войны и преодолел Н. П. Сокальский, как бы выхватывая из огромного количества участников событий отдельные лица и с фотографической точностью создавая их портреты. В 1857 г. Сокальский в таких словах опишет А. А. Краевскому свое отношение к военным материалам: «Я старался, по возможности, очертить нравственный быт и общественное положение русского солдата вообще, и в особенности частные интересы, которыми они руководятся в течение своей многолетней службы» [17, л. 325]. По сути, Сокальский создавал «живой» текст войны, и с этим текстом «Современник» познакомил читателя в октябре 1855 г.

Тематику очерков Сокальский не планировал заранее, а фиксировал наиболее колоритные рассказы раненых, угадывая читательский интерес. Рассказы эти посвящены преимущественно Крымским событиям и воспоминаниям русских солдат, прошедших плен Турции и Франции. Всего в «Современнике» опубликовано 10 рассказов Сокальского.

Из рассказа «Восемь месяцев в плену у французов» рядового Московского полка Павла Таторского, взятого в плен при Альминском сражении 5 сентября 1854 г, читатель получает впечатляющее представление о пребывании русских во французском плену. Традиционное мнение о цивилизованности и культуре французов многократно подвергается существенному сомнению, ибо, как свидетельствует Таторский, и на поле боя среди французов встречаются мародеры

(хотя среди турок их больше): «Проходил мимо француз: видит, человек ранен: сейчас вынул шелковый платочек, покрыл ему голову и за труд вытаскал у него из кармана деньги». И далее: «Не прошло самую малость времени, проходит мимо солдат: поглядел на платочек, видит – шелковый, снял его и положил тряпочку» [19, т. 53, с. 164]. Русских в плену содержат впроголодь (суп варят из ослитины, несколько раз заливая одно и то же мясо водой); спали пленные в тюрьме на голом каменном полу, согреваясь одной своей шинелью; пленных заставляли работать, а тех, кто не мог, «сажали в призон, в холодный погреб в одной рубашке, и не давали ему супу» [19, т. 53, с. 189].

Как помним, Н. П. Сокальский планировал печатать свои очерки в Одессе, так что их публикация в «Современнике» оказалась для него неожиданностью. Сокальский обратился в «Современник» с просьбой остановить публикацию и вернуть тетрадь – взамен на другую, с 19 новыми рассказами. Ситуация оставалась неразрешимой, и Н. П. Сокальский обратился в Санкт-Петербургский Цензурный комитет с просьбой «приостановить разрешение господину Некрасову выпуска этой рукописи в свет». В то же время предложение редактора «Современника» стать их военным корреспондентом Н. П. Сокальский воспринял «с удовлетворением» [9, с. 170]. Некрасова привлекло, что редактирования устной речи своих героев Сокальский избегал; это свидетельствовало о грамотности его корреспондентской работы и журналистском «чутье»: он не «чистил» мемуары, оставляя массу разговорных особенностей своих героев, описаний и деталей, которые придавали тексту убедительность. Так, в примечании к рассказу «Восемь месяцев в плену у французов» Сокальский предупреждает, что мемуары записаны «со слов» и если и подвергались литературной обработке, то в той мере, чтобы придать композиционную стройность, лаконизм устным рассказам: «В этом рассказе читатель увидит поразительный пример любопытства и наблюдательности русского человека. Сообщивший его нам, рядовой Московского пехотного полка, 1-й гренадской роты, уроженец Владимирской губернии, города Шуи, Павел Таторский, был ранен при Альме, 8-го сентября 1854 года, двумя пулями в левую руку, с раздроблением кости, в одно время со своим ротным командиром капитаном Саварским; в

Константинополе ему была отнята рука по самое плечо, после чего он был отправлен в Тулон, где и содержался довольно долгое время. <...> Всякий поймет после этого, что предлагаемый рассказ, записанный большею частью под диктовку, был заранее обдуман автором и приведен в систему; в немногих только местах, которые нетрудно узнать, автором сообщены были отдельные эпизоды своим обыкновенным, ходячим языком» [19, т. 53, с. 161–162].

Свой рассказ Таторский начинает с подробного описания Альминского («Альмского») сражения и с того, как он попал на Альму: «Под Альму мы подходили с песнями, в веселом виду <...>. Позиция наша была на левом фланге против маяка, на горе, – тут, значит, стояли Московский и Минский полк. Ну, на нас большая часть лезли французские лезгуавы, кои и были три раза сгоняемы штыками, доколе не заехала нам в зад артилерия. Тут на горе нам очень ловко было, потому: за горою то ему трудно пущать в нас ядра и картечи, а нам, чуть из-за горы покажется человек десять, двадцать, сейчас подбежал, щелкнул и назад» [19, т. 53, с. 162]. В качестве комментария заметим, что упомянутые рассказчиком «лезгуавы» – это зуавы, одно из наиболее колоритных подразделений французских войск [12, с. 13–27], сыгравшее решающую роль в Альминской битве.

«Артилерия их, – продолжает Таторский, – выходит, начала действовать в тыл, так и сыпет, как горох мелкий: тут и я был ранен вместе с капитаном двумя картечами в руку, где и упал без всякого движения» [19, т. 53, с. 163]. В Константинополе, куда Таторского отправили в плен, он встречает сослуживцев, и они делятся уже своими историями, которые выделены в отдельные рассказы, но включены в мемуары Павла Таторского. Например, рассказ и походный дневник капитана Саварского, «Рассказ Щербакова», севастопольского «охотника» ночных вылазок «заколачивать орудия» на неприятельских батареях; «Рассказ писаря»; «Рассказ Козлова» – «ундер-офицера саперского батальона». «Параллельные» рассказы существенно расширили исторический объем мемуарных свидетельств, придали тексту панорамность видения исторического материала. К примеру, «Рассказ писаря» тем более убедителен, что речь идет о писаре главнокомандующего сухопутными и морскими силами в Крыму кн. А. С. Меншикова.

От Таторского мы узнаем, как встречали русских пленных в Турции, как лечили, предлагали перейти на службу султану, а после отправили в Тулон и держали там в нечеловеческих условиях: «Вшей и блох было достаточно, даже от сырости завелись лягушки в коридоре и какой-то неизвестный, черный из себя гад» [19, т. 53, с. 188–189]. Для сравнения в конце мемуаров Сокальский приводит материалы о пребывании французов в Одессе, в плену у русских: «Они свободно ходили по обширному двору, который отделялся от улицы довольно длинным решетчатым забором. <...> Некоторые играли в карты, другие прохаживались, куря табак и заложив руки за спину; но большинство находилось под влиянием никогда не покидающей француза веселости и беззастенчивости». И когда плененных французов спрашивали, довольны ли они Россией, то получали «неожиданный ответ: “Хорошо, только Россия очень длинна на путешествия”» [19, т. 53, с. 208–209].

Колорит солдатского просторечия Сокальский, по возможности, сохраняет: «лезгуавы», (зуавы), «пельсин» (апельсин), «праход» (пароход), «кампол» (купол), «прохлад ходить» (ходить свободно), «Сантуароно» (Сент-Арно), турка (турок), постеля (постель), жизнь (жизнь), «Наполион», «Одеста» и т. д. Создается иллюзия сиюминутного «прослушивания» рассказа. Сокальский оставляет и иностранные слова, которые произносит Таторский, и не важно, насколько правильно звучит то или иное французское выражение. Сам рассказчик переводит его своему слушателю, и Сокальский добросовестно фиксирует этот пассаж: «Аллё, аллё», – говорит Таторский и тут же переводит: «ступайте» (Allez).

Невозможно усомниться в достоверности мемуаров Таторского, поскольку каждый исторический факт корреспондент Сокальский сопровождает комментарием с уточнением дат, событий, имен и т. д. Так, к диалогу Таторского с сослуживцем Щербаковым о том, что русских «сдали в Одесс-то», Сокальский делает сноску: «Доставлены в Одессу на английском пароходе «Evans» 16-го сентября 1854 года».

Второй тетради мемуаров, обещанной Сокальским, Некрасов так и не получил и потому решил продолжить печать серии рассказов из первой тетради в следующем, ноябрьском, номере «Современника». Таким образом, 54 том «Современника» за 1855 г. открывался именно «мемуарами» Сокальского,

особенностью которых стало то, что они касались не только обороны Севастополя, но и военных действий в Валахии («Валафии») – «Дело под Журжею, 25-го июня 1854 г.», а также Евпатории – «Занятие Евпатории союзными войсками».

Характерно, что очерки Сокальского лишены искусственной героизации. Рассказ «Занятие Евпатории союзными войсками», записанный со слов приказчика Степана Цуровича, служившего в коммерческом доме Евпатории, полон чувства растерянности и подавленности. Чего стоит сцена: «Какой-то чиновник, вероятно, с супругою, торопливо перебежал улицу, ища, как можно было думать, неверного убежища от варваров. Среди улицы они были остановлены толпою верховых турок и татар. Чиновник был сшиблен с ног ударом нагайки, после чего вся толпа слезла с лошадей; одна часть ее грабила лежавшего, била и плевала на него; а другая кинулась вслед за испуганной женщиной» [19, т. 54, с. 16–17]. А вот свидетельства другого очевидца этих же событий – «учителя тамошнего уездного училища П...», слова которого приводит в сноске Сокальский: «Многих из жителей Евпатории союзники, под разными предлогами, объявили военнопленными. Я сам шесть дней питался у них в плену рисом, отваренным на дистиллированной морской воде, который вызывал у меня постоянную рвоту. По возвращении в город, на квартире моей не оставалось ничего, что носило прежде название имущества. Все, что оставалось на плечах – только и было моей собственностью» [19, т. 54, с. 14].

Солдатские «мемуары» стали украшением военных номеров «Современника», а Сокальскому, поскольку большая часть рассказов из первой тетради уже была опубликована, ничего не оставалось, как расторгнуть договор с одесским издателем. Теперь составитель просил Некрасова взять в печать и вторую тетрадь солдатских рассказов. Между тем нечаянные разногласия Сокальского с редактором «Современника» вызвали недовольство правительства. «Во избежание новых цензурных затруднений» Некрасов доставил в Цензурный комитет письмо Сокальского, содержание которого свидетельствовало, что конфликт автора с редактором «Современника» исчерпан и Сокальский «желает продолжения публикаций солдатских рассказов». Это письмо было подшито к делу «О претензии Н. Сокальского...» [9, с. 169–170]. Уже в первом номере «Современника» за 1856 г.

из тетради Сокальского опубликован дневник копииста Яковлева «Содержание русских в плену», написанный в плену у французов и турок. Рукопись вручил Сокальскому сам автор, и журналист не обрабатывал записи, а счел необходимым лишь «исправить слог» предлагаемого рассказа, оставив «нетронутыми в нем слова и выражения, заимствованные из иностранных наречий» [19, т. 55, с. 1].

«Дневник» Яковлева начинается с того дня, как он попал в плен: 8 сентября 1854 года Яковлева со спутниками «взяли» на пути к Альме, к позициям русской армии. То есть Яковлев, не побывав в сражении, оказался в плену, после чего его и других русских отправили в Турцию, потом во Францию. В Турции пленники провели три недели, каждый день из которых давался «ценою несносных лишений»: «Мы ели и пили из одних и тех же медных тазов, в которых стирали белье. Турки <...> ограбили нас, так что мы остались, наконец, при той только одежде, что была на плечах. Смеясь над нами, они нарочно раскрывали двери, когда мы зябли, запрещали нам молиться и каждый раз угрожали прикладом или штыком, когда замечали творимый крест на груди». Наконец, пленникам предложили перейти на службу султану и «принять магометанскую веру» [19, т. 55, с. 10]. Не лучше оказалось и дальнейшее пребывание пленных во Франции. Их посадили в подвалы крепости Ламаль, где было темно, сыро и холодно: «Мы согревались тем только, что плотнее ложились друг к другу, укрывшись суконными одеялами, и, таким образом, жили, можно сказать, за счет своей собственной теплоты» [19, т. 55, с. 11].

В плену Яковлев был десять с половиной месяцев. Не удивительно, что у героев Сокальского пребывание в плену – центральная тема. В одесском госпитале, где Сокальский собирал рассказы, были в основном те, кто вернулся из Турции и Франции. Следующий рассказ из записей Н. П. Сокальского «Госпиталь в Константинополе» – также о пребывании во французском плену тяжело раненого рядового Павла Поветкина, об уходе за ним французской сестры милосердия Магдалины, о романтической истории их любви, ничем не закончившейся: солдат не хотел нарушить присягу и остаться служить во Франции.

В ином же ключе, на ином настроении воспринимаются два других рассказа цикла: «Русский солдат и зуав» и «Два ополчанина». Это, скорее, не мемуары, а очерки самого Сокальского о случаях из солдатского быта.

Рассказ «Русский солдат и зуав» написан в удивительно светлых умиротворяющих тонах, и в то же время в нем нет искусственности. Здесь та же тема – отношения между противниками. Они противники на поле боя, где все в равных условиях ходят под пулями; совсем другое дело плен – чужая территория, чужие законы. Сокальский идет в своей работе по пути сравнения и хочет, чтобы это сравнение заметил читатель. Рассказ «Русский солдат и зуав» воспитывает у читателя сочувствие к страданиям, потому что эта история об истинном великодушии и смелости: русский солдат помог на поле боя раненому зуаву; позднее они случайно оказались в одном госпитале, и между ними завязалась искренняя дружба. После выхода из госпиталя неизбежное расставание оказалось для бывших противников настоящим душевным потрясением [19, т. 54, с. 24].

Очерк «Два ополчанина» передает, несмотря на свою краткость, общественные настроения в период войны. Два «охотника» из Курской губернии «издавна искали уже случая записаться в ополчение». Каждый раз добровольцам отказывали в их просьбе, и когда однажды они встретили станового пристава и обратились к нему с тем же вопросом, то, к удивлению читателя, он отказал. Эта история – очередной пример, с одной стороны, глубоко патриотического настроения русского человека, а с другой – бюрократических препон, которые так вредили делу и о которых писал в «Севастопольских рассказах» Л. Н. Толстой.

В «Современнике» были напечатаны все очерки из первой тетради Сокальского, а из второй – очерк «Секрет», которому составитель придавал особое значение («Современник», июнь 1856 г.). Здесь, как и в прочих рассказах цикла, сохранен язык рассказчика-пластуна (или «ползуна», как он себя называет) Самсона Полянского. Это бывалый солдат из рекрутов (11-ый год службы), уроженец Полтавской губернии. Дома у него жена, двое детей, хозяйство, но он покорно принимает участь рекрута, попадает в пластуны, в отряд профессионалов-разведчиков из черноморских казаков (с пластунами читатель «Современника» был уже знаком по публикации

А. С. Афанасьева-Чужбинского «Пластуны», опубликованной в 51 томе за 1855 г.). И когда в плену Полянскому предлагают перейти во французскую армию, где служба всего 7 лет и солдаты носят такую же одежду, как и офицеры, он, не размышляя, отказывается. Под Севастополем он участвовал в разных сражениях, да и в плен был взят, когда его «секрет» попал в засаду и решил пробиваться к своим – шесть против «хмары» (тучи). Четверо полегло сразу, а Самсон с товарищем уже было пробились, но вновь попали в окружение. «Стали мы один около другого спинами, да, извините, как от собак, так и обороняемся», – рассказал солдат [19, т. 57, с. 272]. Захватить храбрецов в плен удалось только сильно израненными.

В 1856 г. Н. П. Сокальский отправил издателю «Отечественных записок» А. А. Краевскому еще два рассказа из «крымской» серии: «Плен Евпатории» и «Очерки Одессы в 55 году», просил за них «по 60 рублей или, во всяком случае, не менее 50 рублей, с листа» [17, л. 325], но эти повести так и не были опубликованы. 18 февраля 1857 г. Сокальский в очередном письме просил Краевского о «возвращении обеих (курсив мой – Д. П.) рукописей через подателя сего письма» [17, л. 324]. Возможно, рукописи надежно хранятся в архивах, и пока найти их не удалось.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Н. П. Сокальский стал первым профессиональным российским журналистом, который в период Крымской войны сосредоточил регулярные усилия на сборе и оперативной публикации в периодической печати актуальной военной информации. Ситуация определила особенность обработанного им материала – свидетельства, полученные от непосредственных участников событий, оказавшихся в недалеком тылу боевых действий (в Одессе). Н. П. Сокальским были выработаны специфические принципы, определившие индивидуальный характер его работы: привлечение в качестве респондентов «рядовых» участников событий, представляющих разные социальные группы (солдаты, матросы, торговцы, гражданские служащие и т. д.); максимально точная, не допускающая глубокого редактирования передача свидетельств; создание достоверных портретов

опрошенных людей, что достигается, прежде всего, посредством речевой характеристики респондента. Все это позволило Сокальскому показать читателю события Крымской войны сквозь призму индивидуальных судеб, суждений и переживаний. Работа Сокальского сохранила для будущих поколений имена людей, которые не сыграли ключевой роли в военных событиях, но испытали весь драматизм событий Крымской войны.

Список литературы

1. Багров Н. В., Чуян Е. Н., Орехов В. В. На пороге столетия. От Таврического университета – до Крымского федерального. История в документах и фотографиях [Текст] / Н. В. Багров, Е. Н. Чуян, В. В. Орехов. – Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2015. – 360 с.
2. Берг Н. В. Записки об осаде Севастополя: В 2 т. [Текст] / Н. В. Берг. – М., 1858. – Т. 1–2.
3. Берг Н. В. Севастопольский альбом [Текст. Иллюстрации] / Н. В. Берг. – М., 1858. – 58 с.
4. Боград В. Э. Журнал «Современник» 1847–1866. Указатель содержания [Текст]. – М.–Л.: Гос. изд-во худож. лит., 1959. – 528 с.
5. Бок М. П. П. А. Столыпин. Воспоминания о моем отце [Текст] / М. П. Бок. – М.: Новости, 1992. – 352 с.
6. Голикова Л. Каждый рядовой – Шевченко, каждый офицер – Бирилев [Текст] / Л. Голикова // Родина. – М., 1995. – № 3–4. – С. 80–82.
7. Государственный архив Республики Крым (ГАРК). – Ф. 26. – Оп. 4. – Ед. хр. 1407. – Л. 1.
8. Мартиросян А. Э. И перья скрипели, когда пушки гремели... (Очерк истории «военной журналистики»: от типографского станка до телеграфа) [Текст] / А. Э. Мартиросян // Проблемы национальной стратегии. – 2012. – № 6. – С. 183–205.

9. Мельгунов Б. В. Некрасов и военные корреспонденты «Современника» [Текст] / Б. В. Мельгунов // Русская литература. – 1989. – № 1. – С. 166–172.
10. Орехов В. В. Казак-флибустьер в критике П. Мериме [Текст] / В. В. Орехов // Критика. Драматургия. Театр. 3 доповідей V–IX Міжнародних читань молодих вчених пам'яті Л. Я. Лившица. – Харків: ХНПУ ім. Г. С. Сковороди, 2005. – С. 47–51.
11. Орехов В. В. Русские «скифы»: эволюция образа [Текст] / В. В. Орехов // Вестник славянских культур. – №1 (XI) – М.: ГАСК, 2009. – С. 68–74.
12. Орехов В. В. Французская армия у стен Севастополя: 1854–1855 гг. [Текст] / В. В. Орехов. – Симферополь: «Таврия-Плюс», 2003. – 280 с.
13. Орехова Л. А., Орехов В. В., Первых Д. К., Орехов Д. В. Крымская Илиада. Крымская (Восточная) война 1853–1856 годов глазами современников: литература, архивы, пресса [Текст] / Л. А. Орехова, В. В. Орехов, Д. К. Первых, Д. В. Орехов. – Симферополь: СГТ, 2010. – 480 с.
14. Орехова Л. А. Л. Н. Толстой и Н. Я. Ростовцев (к вопросу о литературном окружении писателя в Севастополе) [Текст] / Л. А. Орехова // Русская литература. Исследования. Сб. научных трудов. – Вып. 5. – Киев: КНУ, 2004. – С. 75–86.
15. Орехова Л. А. Севастопольское окружение Л. Н. Толстого и предыстория «Севастопольских рассказов» [Текст] / Л. А. Орехова // Русская классика: проблемы понимания и языкового своеобразия: Сб. науч. статей по итогам XV Барышниковских чтений – Всероссийской научной конференции (15–16 ноября 2016 г., Липецк). – Липецк: ЛГПУ им. П. П. Семёнова-Тян-Шанского, 2016. – С. 60–68.
16. Рассказы из военной жизни русских солдат [Текст] / сост. и ред. Н. П. Сокальского. – Санкт-Петербург, 1904. – 138 с.
17. Российская национальная библиотека (РНБ). Отдел рукописей. – Ф. 391: Краевский А. А. – Ед. хр. 715.
18. Современная российская военная журналистика: опыт, проблемы, перспективы [Текст] / Ред.-сост. М. Погорелый, И. Сафранчук. – М.: Гендальф, 2002. – 253 с.

19. Современник [Текст] / Под ред. Н. А. Некрасова, И. И. Панаева. – СПб., 1855–1856. – Т. 51–58.
20. Современные рассказы из военной жизни русских солдат [Текст] / Сост. и ред. Н. П. Сокальского. – Санкт-Петербург, 1856. – 138 с.
21. Толстой Л. Н. Переписка с русскими писателями [Текст] / Л. Н. Толстой. – М.: Худож. лит., 1978. – Т. 1. – 992 с.

References

1. Bagrov N. V., Chuyan E. N., Orekhov V. V. Na Poroge Stoletiya. Ot Tavricheskogo Universiteta – do Krymskogo Federal'nogo. Istoriya v Dokumentakh i Fotografiyakh [On the Eve of the Century. From Tavrichesky University – to the Crimean Federal. History in Documents and Photos]. Simferopol': IT ARIAL Publ., 2015. 360 p.
2. Berg N. V. Zapiski ob Osade Sevastopolja: V 2 t. [Notes on the Siege of Sevastopol. In 2 Volumes]. Moscow, 1858, Vol. 1–2.
3. Berg N. V. Sevastopol'skij Al'bom [Sevastopol Album]. Moscow, 1858. 58 p.
4. Bograd V. Je. Zhurnal «Sovremennik» 1847–1866. Ukazatel' Soderzhaniya [The Journal "Contemporary" 1847–1866. Content Index]. Moscow – Leningrad: Gosudarstvennoe Izdatel'stvo Hudozhestvennoj Literaturnoj Publ., 1959. 828 p.
5. Bok M. P. P. A. Stolypin. Vospominaniya o Moem Ottse [P. A. Stolypin. Memories of my Father]. Moscow: Sovremennik Publ., 1992. 352 p.
6. Golikova L. Kazhdyi Ryadovoi – Shevchenko, kazhdyi Ofitser – Birilev [Every Rank-and-file Soldier – Shevchenko, every Officer – Birilev]. Rodina. Moscow, 1995, № 3–4, p. 80–82.
7. Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Krym (GARK) [State Archive of the Republic of Crimea]. coll. 26, aids 4, item 1407, p. 1.
8. Martirosyan A. Ye. I Per'ya Skripeli, kogda Pushki Gremeli... (Ocherk Istorii «Voennoj Zhurnalistiki»: ot Tipografskogo Stanka do Telegrafa) [And the Feathers Creaked when the Guns Thundered... (Essay on the History of "Military Journalism": from a Printing Press to the Telegraph)]. Problemy nacional'noi strategii, 2012, № 6, p. 183–205.

9. Mel'gunov B. V. Nekrasov i Voennye Korrespondenty «Sovremennika» [Nekrasov and Sovremennik Military Correspondents]. Russkaya Literatura, 1989, № 1, p. 169–170.
10. Orehov V. V. Kazak-Flibust'er v Kritike P. Merime [Cossack-Filibuster in Prosper Merimet's critical assessments]. Kritika. Dramaturgija. Teatr. Z dopovidei V–IX Mizhnarodnih chitan' molodih vchenih pam'jati L. Ja. Livshica. – Harkiv: HNPU Publ., 2005, p. 47–51.
11. Orehov V. V. Russkie «Skify»: Evoljucija Obraza [Russian "Scythians": the Evolution of the Image]. Vestnik Slavjanskih Kul'tur. Moscow: GASK Publ., 2009, №1 (XI), p. 68–74.
12. Orehov V. V. Francuzskaya Armija u Sten Sevastopolja: 1854–1855 gg. [The French Army at the Walls of Sevastopol: 1854–1855]. Simferopol': Tavriya-Plyus Publ., 2003. 280 p.
13. Orehova L. A., Orehov V. V., Pervyh D. K., Orehov D. V. Krymskaya Iliada. Krymskaya (Vostochnaya) Voina 1853–1856 Godov Glazami Sovremennikov: Literatura, Arhivy, Pressa [Crimean Iliad. Crimean (Eastern) War of 1853–1856 through the Eyes of Contemporaries: Literature, Archives, Press]. Simferopol': SGT Publ., 2010. 480 p.
14. Orehova L. A. L. N. Tolstoi i N. Ya. Rostovtsev (k Voprosu o Literaturnom Okruzenii Pisatelya v Sevastopole) [L. N. Tolstoy and N. Ya. Rostovtsev (on the Issue of the Writer's Literary Environment in Sevastopol)]. Russkaya Literatura. Issledovaniya. Sbornik Nauchnyh Trudov. Issue 5. Kiev: KNU Publ., 2004, p. 75–86.
15. Orehova L. A. Sevastopol'skoe Okruzenie L. N. Tolstogo i Predystoriya «Sevastopol'skih Rasskazov» [Sevastopol Acquaintances of L. N. Tolstoy and the Background of the “Sevastopol Stories”]. Russkaya Klassika: Problemy Ponimaniya i Yazykovogo Svoeobraziya: Sbornik Nauchnyh Statei po Itogam XV Baryshnikovskih Chtenii – Vserossiiskoi Nauchnoi Konferentsii (15–16 Noyabrya 2016 g., Lipetsk). Lipetsk: LGPU Publ., 2016, p. 60–68.
16. Rasskazy iz Voennoi Zhizni Russkih Soldat [Stories from the Military Life of Russian Soldiers]. Edited by N. P. Sokalsky. St. Petersburg, 1904. 138 p.

17. Rossiiskaya Natsional'naya Biblioteka (RNB). Otdel Rukopisei [Russian National Library (RNL). Department of Manuscripts]. coll. 391: Kraevskii A. A., item 715.
18. Sovremennaya Rossiiskaya Voennaya Zhurnalistika: Opyt, Problemy, Perspektivy [Modern Russian Military Journalism: Experience, Problems, Prospects]. Edited by M. Pogorelyi, I. Safranchuk. Moscow: Gendal'f Publ., 2002. 253 p.
19. Sovremennik [Contemporary. Edited by N. A. Nekrasov, I. I. Panaev]. St. Petersburg, 1855–1856, vol. 51–58.
20. Sovremennye Rasskazy iz Voennoi Zhizni Russkikh Soldat [Modern Stories from the Military Life of Russian Soldiers]. Edited by N. P. Sokalsky. St. Petersburg, 1856. 138 p.
21. Tolstoy L. N. Perepiska s Russkimi Pisatelyami [Correspondence with Russian Writers]. Moscow: Hudozhestvennaya Literatura Publ., 1978, vol. 1. 992 p.

ESSAYS BY N. P. SOKALSKY AS A STAGE IN THE FORMATION OF THE NATIVE MILITARY JOURNALISM

Pervykh D. K.

Basing on archival documents and other sources the article studies the history of how Nikolai Petrovich Sokalsky created and published his essays on the Crimean War. These essays contained oral stories of the Crimean War participants. Sokalsky became the first Russian professional journalist to devote his work to the search and publication in the periodical press of current military information. He was interested in ordinary participants in the events. These people belonged to different social groups (soldiers, sailors, merchants, civil servants, etc.). These people were not outstanding military figures, but they saw the events of the war with their own eyes. They were representatives of the largest part of Russian society. Sokalsky created original methods for processing this evidence. He almost did not edit the eyewitness accounts at all, very precisely conveyed the individual features of colloquial speech, accurately conveyed the details of the biography and features of personal opinions. So Sokalsky allowed the reader to imagine a portrait of each participant in the war. This portrait was well documented and looked like a photograph. Sokalsky's essays were extremely popular with readers in the era of the Crimean War. These essays created the basis for the development of the traditions of Russian military journalism.

Keywords: N. P. Sokalsky, military journalism, Crimean War, an eyewitness, defense of Sevastopol.